

Власов Герман - поэт, переводчик, редактор. Родился в г. Москве в 1966 г. Закончил МГУ им. Ломоносова. Участник студии Игоря Волгина «Луч», лауреат и дипломант Волошинского конкурса (поэзия, перевод, фотопэзия). Автор нескольких книг стихотворений, публикаций в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба Народов», «Октябрь», «Новый берег» и др. Живет и работает в Москве.

Герман Власов **г. Москва**

Воробьиное чирканье,
полупустой коробок;
окна настезь и чавканье -
яйца и кофе. Лубок

недолетний, где теплые
липы ладони в густой.
Молодые, непотные
лбы на площадке пустой;

после сна и соития -
лифта сокрытый сюжет.
Битый кафель, событие -
в зайчиках сонный паркет.

На колесах маршруточных -
сонмище лиц, чешуя;
много их промежуточных,
чайных, невыпитых. Я

разогнутой подковою,
чиркнувшей спичкой в лесу -
долгий звон, упакованный
привкусом горьким несущу.

Такой рассвет, что разбудил жену,
и недовольно хлопала глазами,
но - пробудилась. С острия вокзала
луч высветил поселка глубину,
прохожих редких, стаю проститутток,
но выше - возвращающийся клин
из Африки полуголодных уток.
Тень спиля уколола магазин.

Горел восток оранжевым, зеленым
и синим: так апрельское тепло,
будто ладонями, ощупывало сонный
и донный мир, где не всегда везло.
Прекрасное далеко, ты ли это
лицо свое открывшее двоим?
Разбуженные языком рассвета,
мы в очереди первыми стоим.

Пока переливается и длится
как бы в немом замедленном кино;
еще минута - быт зашевелится
и станет, как и раньше - все равно.

Старики

От долгой жизни в такт
и шелеста словами
они сошлись в цветах,
притерлись головами.

Их вместе мучил труд,
будил рассвет обоих –
истерлись, как лоскут,
сгорели, как обои.

И на закате дней
она, как он, сутула.
И сделался у ней
похожий взгляд и скулы.

Когда из тех глубин
мысль у нее мелькает, -
то он ее один
заранее читает.

Когда берут билет
или в метро заходят, -
их держит общий свет,
где всё и происходит.

Е.Ф.

Когда учились, знал ее во сне:
все ямки и холмы ее фигуры;
она была, как марка на письме
и памятник былой архитектуры;

через нее я резкость наводил
на марта свежевзмысленные пятна
и я ее, наверное, любил, -
ведь возвращался из весны обратно;

в оконцах филигранного жилья
жилище было ангела и беса,
и если бы туда забрался я -
то потерял бы килограммы веса:

над в солнцепек расхристанной толпой
капустницей трусил навстречу лету;
но стала мотыльком на выпускной
и партию составила кларнету;

я без нее, наверное, погиб -
он выдувал ей на потеху вальсы,
но я еще запомнил братьев Гибб
и теплый пот, и синие ливайсы;

в другом пространстве, где она теперь,
не нужно света с ней - или погасла?

Но если распахнет балкона дверь
сквозняк - скажу пространству: Здравствуй!

Теплота от короткого слова,
а потом – долгота, маета.
Тереби его снова и снова,
будто глядя чужого кота.

Проводя между пальцев шерстинки
Или – взвесив – о, хитрый прищур,

эскалатором ниже Неглинки
я похожие лица ищу.

Все они потянулись навстречу,
позабыли значенье одно. –
Добрый вечер, – твержу, – добрый вечер.
Опускаюсь на шумное дно.

И в вагоне умышленно старом
станет кресло толкать и качать.
От короткого слова удары –
говорить про себя, не молчать.

Светлане Меликьянц

Свернулся лист, что запятая,
а ты шагаешь наяву
по этой рошице, питая
не грусть, но просто *I love you*.
Проходишь бодрым шагом, словно
По полустанку, где стоит
состав, для ваших мест огромный,
где каждый спешно говорит,
прощаясь. Вещи поднимает,
и обнимает, и в купе
проходит, грусть свою сминая,
как фотокарточку в руке.
И тянет дымом от вагона
особенным, как листьев дым.
Слова несказанные клена,
Ольхи про то, как молодым...
Вокзал качнется осторожный,
Что нож по краю волокна.
В слезах, а не в пыли дорожной -
Всё машет осень из окна.

Сон, прилипший к дереву улиткой,
остановленный губами смех...
Солнце, солнце, ты - моя улыбка,
ты - одна для всех

Видима сейчас и ошутима...
Дальше - несколько часов
мы идем с тобой, как пилигримы,
в море голосов.

Мы несем волшебную минуту
эти несусветные часы -
окружным маршрутом, через смуту.
Вместе мы – весы:

Если я теперь тебя забуду -
почерк, вес и суть -
покачнется чудо ниоткуда
и разгонит муть.

Свет июля – в замираньи, тени,
сутолоке, простоте;
в листьях, людях, гаме птичьем, в пенье,
ливне, духоте.

Мы одни на циферблате с ними,
нас не больше двух;
и тебя, наверно, не отнимет
разделенья дух.